

Мирная война

За синими, братцы, морями, за зелеными горами в стародавние времена лежали два махоньких королевства. Саженью вымерять - не более двух тамбовских уездов.

Население жило тихо-мирно. Которые пахали, которые торговали, старики-старушки на завалинках толокно хлебали.

Короли ихние между собой дружбу водили. Дел на пятак: парад на лужке принять, да кой-когда, - министры ежели промеж собой повздорят, - чубуком на них замахнуться. До того благополучно жилось, аж скучно королям стало.

Был у них на самой границе павильон построен, чтобы далеко друг к дружке в гости не ходить. Одна половина в одном королевстве, другая в суседском.

Сидят они как-то, дело весной было, каждый на своей половине, в шашки играют, каждый на свою землю поплевывает.

Стража на полянке гурьбой собравшись, - кто в рюхи играет, кто на поясах борется. Над приграничным столбом жучки вьются, - какой из какого королевства и сам не знает.

Вынул старший сивый король батист-платок, отвернулся, утер нос, - затрубил протяжно, - спешить некуда. Глянул на шашечную доску, нахмурился.

- Неладно, Ваше Королевское Величество, выходит. У меня тут с правого боку законная пешка стояла. А теперь гладко, как у бабы на пятке... Ась?

Младший русые усы расправил, пальцами поиграл.

- Я твоим шашкам не пастух. Гусь, может, мимо пролетающий, крылом сбил, али сам проиграл... Гони дальше!..

- Гусь? А энто что?.. - и с полу из-под младшего короля табуретки шашку поднял. - Чин на тебе большой, королевский, а играешь, как каптенармус. Шашки рукавом слизываешь.

- Я каптенармус?..

- Ты самый. Ставь шашку на место.

- Я каптенармус?! От каптенармуса и слышу! - скочил младший король с табуретки и всю игру полый халата на земь смахнул.

Побагровел старик, за левый бок хватился, а там за место меча чубук за пояс заткнут. Жили прохладно, какие там мечи!

Хлопнул он в ладоши:

- Эй, стража!

Русый тоже распетушился, кликнул своих.

Набежали, туда-сюда смотрят: нигде жуликов не видно. Да и бить нечем, - бердышей, пищалей давно не носили, потому очень безопасная жизнь была.

Постояли друг против друга короли, - глаза, как у котов в марте, - и пошли каждый к себе подбоченься. Стража за ими, - у кого синие штаны за сивым королем, у кого желтые - за русым.

Стучат-гремят по обеим сторонам кузнецы - пики куют, мечи правят. Старички из пушек воробьиные гнезда выпихивают, самоварной мазью медь начищают. Бабы из солдатских штанов моль веничком выбивают, мундиры штопают, - слезы по ниткам так и бегут. Мужички на грядках ряды вздваивают, сами себе на лапти наступают.

Одним малым ребятам лафа. Кто на пике, заднюю губернию заголив, верхом скачет... Иные друг против дружки стеной идут, горохом из дудок пуляют. Кого в плен за волосья волокут, кому фельдшер прутом ногу пилит. Забава!

Призадумались короли. Однако по ночам не спят, ворочаются, - война больших денег стоит. А у них только на мирный обиход в обрез казны хватало. Да и время весеннее, боронить-сеять надо, а тут лошадей всех в кавалерию-артиллерию согнали, вдоль границы укрепления строят, ниток одних на амуницию катушек с сот пять потребовалось. А отступить никак невозможно: амбицию свою поддержать каждому хочется.

Докладывает тем часом седому королю любимый его адъютант: так-то и так, Ваше Величество, солдатишка такой есть у нас завалящий в швальне, солдатские фуражки шьет. Молоканского толку, не пьет, не курит, от говяжьей порции отказывается. Добивается он тайный доклад Вашему Величеству сделать, как войну бескровно-безденежно провести. Никакого секрета не открывает. Как, мол, прикажете?

- Гони его сюда. Молокане, они умные бывают.

Пришел солдатик, смотреть не на что: из себя михрютка, голенища болтаются, фуражка вороньим гнездом, - даром что сам мастер. Однако

бесстрашный: в тряпочку высморкался, во фронт стал, глаза как у кролика, - ан смотрит весело, не сморгнет.

- Как звать-то тебя?

- Лукашкой, ваша милость. "Трынчиком" тоже в швальне прозывают, да это сверхштатная кличка. Я не обижаюсь.

- Фуражки шьешь?

- Так точно. Нескладно, да здорово. А в свободное время лечебницу для живой твари содержу.

- Какую еще лечебницу?

- Галчонок, скажем, из гнезда выпадет, ушибется. Я подлечу, подкормлю, а потом выпущу...

- Скажи, пожалуйста... Добрый какой!

- Так точно. Веселей жить, ежели боль вокруг тебя утишаешь.

Повел король бровью.

- Ишь ты, Чудак Иванович! А каким манером, ты вот похвалялся, - бескровно и безденежно войну вести можно?

- Будьте благонадежны! Только дозвольте до поры-времени секрет мне при себе содержать, а то все засмеют, ничего и не выйдет.

- Да как быть-то? Ядра льют, пуговицы пришивают... Чего ж ждать-то?

- Не извольте беспокоиться! Пошлите, ваша милость, суседскому королю с почтовым голубем эстафет: в энтот, мол, вторник в семь часов утречком пусть со всем войском к границе изволят прибыть. Оружия ни холодного, ни горячего чтоб только с собой не брали, - наши, мол, тоже не возьмут... И королевскую большую печать для правильности слова приложите. Да на военный припас три рубля мне пожалуйста, только всего и расходов.

- Ладно! Однако, смотри, Лукашка!.. Ежели на смех меня из-за тебя, галченка, подымут, - лучше бы тебе и на свет не родиться.

- Не извольте пужать, батюшка. Раз уж родился, об чем тут горевать...

С тем и вышел, голенища свои на ходу подтягивая.

Стянулись к приграничной меже войска, - кто пешой, кто конный. Оружия, действительно, как условились, не взяли. Построились стеной, строй против

строю. Шепот по рядам, как ветер перекачивается. Не зубами ж друг друга грызть будут... Ждут, чего дальше будет.

Короли, насупившись, каждый на своем правом фланге на походном барабане сидит, в супротивную сторону и не взглянет.

Глядь, издалека на обозной двуколке Лукашка катит, под себя чего-то намостил, будто кот на бочке подпрыгивает.

Осадил коня промеж двух войск, скочил на землю и давай из тележки круг за кругом толстый корабельный канат выгружать. А вдоль каната на аршине дистанции узлы позакручены.

Стал Лукашка на пень, ладони ложечкой сложил и во все стороны звонким голосом разъяснение сделал:

- Вот, стало быть, братцы, посередине каната для заметки синий флажок завязан. Пущай каждое войско на своей стороне, в затылок стамши, за канат берется.

Флажок, значит, над самой границей придется. И с Богом, понатужьтесь, тяните на перетяжку... Чья сторона осилит, канат к себе перетянет, та, стало быть, и одолела. И амбицию свою соблюдем и никакого кровопролития в золотой валюте. Скоро и чисто!.. Полей не перетопчим, детей не осиротим, хаты целы останутся. А уж какое королевство не одолеет, пущай супротивникам на свой кошт полное угощение сделает. Всему то-есть населению!.. Ежели господа короли согласны, нехай каждый со своей стороны батист-платочком взмахнет - и валяйте! А чтобы веселей было тянуть, пущай полковые оркестры вальс "Дунайские волны" играют. Усе!

Ухмыльнулись короли, улыбнулись полковники, ослабились ротные, у солдат - рот до ушей. Пондравилось! Стали войска по ранжиру гуськом, белые платочки в воздух взвились. Пошла работа! Тужатся, до земли задами достают, иные сапогами в песок врывшись, как клю-ковка стали... А которые старшие, вдоль каната бегают, своих приободряют: "Не сдавай, ироды, наяривай! Еще наддай, родненькие, так вас перетак!.."

Лукашка клячу свою отпрег, брюхом перевалился, вдоль каната разъезжает, - чтобы обману нигде не было. Увидал, как на супротивной стороне канат было об березу закрутили, чичас же распорядился: "Отставить! Воюешь, так воюй по правилу!.."

Вспотели кавалеры, дух над шеренгой будто портянки в воздухе поразвесили, - птички так в разные стороны и разлетелись. А народ в азарт вошел.

Полковники которые, генералы, все к канату прицепились, старички некоторые, мирное население, из-за кустов повыскакивали, вонзились, каждый в свою сторону наддаёт - тянет. Только и слышно, как штаны-ремешки с обоих фронтов потрескивают.

Короли, и те не выдержали. Повскакали с барабанов, каждый к своему концу бросился... Музыканты трубы покидали и туда же...

И вдруг, братцы мои, как лопнет канат на самой середке: так оба войска гуськом на землю и попадали. Пыль винтом! Отдышавшись, озираются... Как быть?

Кличет седой король Лукашку.

- Эй, ты, Ерой Иванович! Как же теперь вышло? Кто победил-то?

А Лукашка громким голосом на всю окрестность, глазом не сморгнувши, объявляет:

- Ничья взяла! Полное, стало быть, замирение с обеих сторон. Каждый король сусудское войско угощает. А назавтра, проспавшись, все, значит, по своим занятиям: кто пахать, кто торговать, кто толокно хлебать.

Ликование тут пошло, радость. Короли друг дружку за ручку трясут, целуются. По всей границе козлы расставили, столы ладят, обозных за вином-закусками погнали. А пока обернутся, тем часом короли в павильон за свои шашки сели, честно и благородно.

Не все, конечно, с земли встали-то. У иных, как канат лопнул, - шаровары-брюки по швам разошлись, как тут пировать будешь. Кое-как, рукой подтянувши, до кустов добрались, а там бабы, которые на сражение издали смотрели, швейную амбулаторию открыли. Известно, уж у каждой бабы в подоле нитка-иголка припасена.

Кликнули к себе короли в павильон Лукашку.

- Что ж, молодец, дело свое ты справил. Чем тебя наградить, говори, не бойся. На красавице женить, альбо дом с точеным крыльцом построить?

Высморкался Лукашка в тряпочку, во фронт стал, отвечает:

- Дом у меня везде. Где я нужен, там и мой дом. Красавицы мне не надо, из себя я мизерный, ей будет обидно. Да и мне она, человеку кроткому, не с руки. Соболаговолите лучше, Ваше Здоровье, приказ отдать по обоим королевствам, чтоб ребята птичьих гнезд не разоряли. Боле ни о чем не прошу!

Ухмыльнулись короли, обещали, отпустили его с миром. Блаженного дурака и наградить нечем!..

Таким манером, землячки, сражение энто на пользу всем и пошло. У других от войны население изничтожается, а здесь прибавка не малая вышла. Потому, когда бабы по густым кустам-буеракам разбрелись, - портки полопавшиеся на воинах пострадавших чинить, - мало ли чего бывает. Крестников у Лукашки завелось, можно сказать, несосветимое число!